

На правах рукописи

Майга Абубакар Абдулвахиду

**АФРИКА ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ТРАВЕЛОГАХ
(А. ЖИД И Н. ГУМИЛЕВ)**

10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература народов Европы)
10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена на кафедре истории зарубежных литератур филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научные руководители:

Лукьянец Ирина Владимировна

доктор филологических наук, профессор кафедры
истории зарубежных литератур ФГБОУ ВПО Санкт-
Петербургский государственный университет

Алташина Вероника Дмитриевна

доктор филологических наук, профессор кафедры
истории зарубежных литератур ФГБОУ ВПО Санкт-
Петербургский государственный университет

Официальные оппоненты:

Пономарев Евгений Рудольфович

доктор филологических наук, доцент кафедры
литературы и детского чтения ФГБОУ ВПО Санкт-
Петербургский государственный институт культуры

Линкова Яна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент школы филологии
факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВПО
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО Московский педагогический
государственный университет

Защита состоится «31» мая 2016 г. в 15 ч. на заседании диссертационного совета Д.002.209.01 по филологическим наукам в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН, по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: www.imli.ru (раздел Наука > Диссертационные советы > Д 002.209.01); а также в научной библиотеке имени А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9 и на сайте СПбГУ.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета, к. ф. н.

Журбина Анна
Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Интерес к травелогу¹ в последнее время возрастает как в литературоведении, так и в других гуманитарных науках (история, антропология, социология и др.), что и определяет **актуальность** заявленной темы, связанной также с тем интересом, который вызывает в настоящее время соотношение документального и художественного. К тому же в 2002 г. после почти семидесятилетнего перерыва в России было издано собрание сочинений Андре Жида в семи томах², что усилило интерес к этому автору в России, где его творчество еще не получило достаточного освещения и изучения. Произведения Н.С. Гумилева регулярно переиздаются разными издательствами³, что также свидетельствует о востребованности данного автора. В конце прошлого года вышла монография Ляховской Н.Д. «Образы Африки во французской литературе XIX-XX веков»⁴. Что также подтверждает актуальность нашего исследования.

Степень изученности проблемы. Хотя французские литературоведы уже относительно давно занимаются изучением образа «чужого» и «чужой страны» в литературе о путешествиях, только с 1930 г., когда Ж. Асколи защитил свою работу на тему «Великобритания во французском общественном сознании в XVII веке», компаративисты стали серьезно относиться к проблеме восприятия «инаковости» (*altérité*) и чужой культуры в литературе. В дальнейшем, благодаря трудам таких французских ученых как П. Журда «Экзотизм во французской литературе со времен Шатобриана. Романтизм» (1938), Ж.-М. Карре «Французские писатели и немецкий мираж (1800-1940)» (1947), М. Ф. Гийяр «Великобритания во французском романе (1914-1940)» (1954), М. Кадо «Россия во французской интеллектуальной жизни (1839-1856)» (1967), интерес к изучению путевых заметок значительно возрос, в исследованиях как по сравнительному литературоведению, так и по истории

¹ Термин «травелог» - (от англ. слова «travelogue», образованный от глагола «travel» (от англ.) – путешествовать, и суффикса «logue» (от др.-греч. «λόγος») – слово, речь, рассказ, учение...) - только недавно вошел в русскую литературу. Долгое время российские литературоведы называли «травелог» «литературным путешествием», «литературой о путешествиях», «путевыми заметками» (как на франц. языке - «récits de voyage»), или просто «путешествием». См. например: Михайлов В. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII-XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук / В. Михайлов. - Волгоград, 1999. – 224 с.; Шадрина М.Г. Эволюция языка «путешествий»: дис. ... д-ра филол. наук / Шадрина Марина Геннадьевна. – М., 2003. – 394 с.; Иванова Н.В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук / Иванова Надежда Викторовна. – М., 2010. – 270 с.; Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. "Путешествие на Запад" в литературе межвоенного периода / Е.Р. Пономарев. – Изд. 2, испр. и доп. – СПб: СПбГУКИ, 2013. – 412 с.; Мамуркина О. В. Травелог в русской литературе XVIII – нач. XIX в.: Трансформация эстетической парадигмы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. №25. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/travelog-v-russkoy-literature-xviii-nach-xix-v-transformatsiya-esteticheskoy-paradigmy>. (дата обращения: 26.19.2014); Le Huenen R. Qu'est-ce qu'un récit de voyage? // Les modèles du récit de voyage, Littérales, N°7. – Paris: Université Paris X Nanterre, 1990. – P. 7-23; Pasquali A. Le Tour des Horizons. Critique et récits de voyage. – Paris: Klincksieck, 1994. – 179 p.

² Жид А. Собрание сочинений: В 7 т. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002.

³ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. – М.: Воскресенье, 1998, 2005, 2007; Гумилев Н. Малое Собрание Сочинений. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2010. – 800 с.

⁴ Ляховская Н.Д. Образы Африки во французской литературе XIX-XX веков. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 280 с.

литературы. Такие компаративисты, как Д.-А. Пажо, И. Шеврель, И. Клаварон, П. Брюнель и К. Пишуа, предложили термин для этого нового направления - имагология. И. Шеврель определяет два ключевых объекта имагологических исследований: документальные путевые заметки (то есть в нашем контексте – травелоги) и художественные произведения, в которых описание «другого» с его историей, пространством и обычаями занимает особое место.

Однако, несмотря на возникшее со стороны компаративистов внимание к травелогам, их исследования долгое время были сосредоточены исключительно на культурных взаимоотношениях между европейскими странами. Это касается и России: тема путешествия и жанр литературного травелога активно привлекают внимание русских филологов с начала XX века, однако имагологические труды до недавнего времени обычно рассматривают лишь образ России в иноязычной литературе либо, наоборот, образ европейца в русской литературе: Михальская Н.П. «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.» (1995), Строев А.Ф. «Россия глазами французов XVIII – XIX века» (1999), Арустамова А.А. «Тема Америки в русской литературе XIX в.» (2010), или Ощепков А.Р. «Образ России во французской прозе XIX века» (2012).

Научная новизна работы обусловлена стремлением систематизировать и углубить имеющиеся исследования, посвященные жанру литературного травелога, расширить пространство имагологических исследований до африканского континента, как это предложил Гийяр в своем манифесте 1951 г. Кроме того, впервые в России анализируется образ Африки одновременно в травелогах французских и русских писателей-путешественников, впервые в русском литературоведении изучаются африканские путевые дневники Андре Жида и их интертекстуальные связи с его автобиографическими романами. Впервые на русском языке, с опорой на критические работы французских, канадских, итальянских и немецких исследователей, проделан анализ таких произведений, как «Аминта», «Филоктет и Эль-Хадж, или Трактат о ложном пророке», «Коридон».

Творчество Николая Гумилева, в целом, с начала 1990-х гг. динамично исследуется в литературоведении, но большинство работ посвящено его художественным произведениям. Как мы видим, африканская тематика в травелогах и лирических текстах Гумилева до сих пор не привлекала внимания. К тому же, впервые его художественно-лирические тексты рассмотрены как травелогические произведения для того, чтобы выявить в них имагологические элементы и мотивы, относящиеся к Африке. Впервые в исследовании сопоставляются африканские национальные стереотипы, или «имагемы», Гумилева с путевыми картинами Жида. Выбранный сравнительный подход позволит нам оценивать способы восприятия реалий африканской действительности каждым из них.

Выбор темы и изучаемых авторов обусловлены, во-первых, целесообразностью изучить образ одного и того же «чужого» с точки зрения представителей одной эпохи, но разных стран; во-вторых, тем, что изображение

Африки в травелогах еще не было предметом сопоставительного научного анализа; в-третьих, тем, что Андре Жид и Николай Гумилев не только являются писателями одной эпохи – первой половины XX века, когда литературный травелог достигает апогея в своем развитии, но их африканские странствия нашли отражение в их документальных и художественных произведениях. Оба автора также получили экзистенциальный опыт в Африке, который сильно повлиял на их мировоззрение и творческую манеру. Кроме того, Николай Гумилев отправляется в африканские странствия по примеру своих французских предшественников – Артюра Рембо и Андре Жида, чей опыт служит для него примером для подражания.

Объектом работы являются, с одной стороны, африканские травелоги А. Жида: «Путевые записки: Тунис и Сахара» (Notes de voyage : Tunis et Sahara, 1897), «Аминта» (Amyntas, 1906), «Путешествие в Конго» (Voyage au Congo, 1927), «Возвращение с озера Чад» (Le Retour du Tchad, 1928), «Египетские дневники» (Carnets d'Egypte, 1951), «Дневник 1889-1949» (Journal 1889–1949) (1939–1950), его мемуары «Если зерно не умрет» (Si le grain ne meurt, 1926), а также его художественные произведения, написанные в разнообразных жанрах по мотивам его странствий по Северной и Центральной Африке: «Яства земные» (Les nourritures terrestres, 1897), «Филоктет и Эль-Хадж, или Трактат о ложном пророке» (Philoctète et El Hadj, 1899), «Имморалист» (L'immoraliste, 1902), «Коридон, четыре сократических диалога» (Corydon: Quatre dialogues socratiques, 1924). С другой стороны, это документальные путевые заметки Н. Гумилева об Африке: «Африканская охота. Листы из дневника» (1916), «Африканский дневник», написанный во время путешествия в Абиссинию в 1913 г. (опубл. 1987), и дорожные письма (опубл. 2007), его художественные рассказы «Вверх по Нилу» (1907) и «Принцесса Зара» (1908), и его лирические сборники: «Путь конквистадоров» (1905), «Романтических цветов» (1908), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Костер» (1918), «Шатер» (1921), «Огненный столп» (1921), а также поэма «Мик» (1918).

Предметом исследования является литературное конструирование и сравнение образа Африки во французских и русских травелогах, в частности в творчестве двух ярчайших представителей европейской литературы первой половины XX века – Андре Жида (1869–1951) и Николая Гумилева (1886–1921).

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ изображения африканского материка в творчестве А. Жида и Н. Гумилева: в их документальных текстах и в тех художественных произведениях, в которых отразились результаты их африканских наблюдений.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать процесс становления жанра литературного травелога и его взаимосвязь с художественными жанрами (роман, рассказ, лирическое стихотворение, поэма) и научными дисциплинами (история, география, и этнография);

- рассмотреть специфику и место литературного травелога в иерархии литературных жанров, и выделить его основные характерные черты;
- прояснить литературные и мировоззренческие мотивы африканских странствований А. Жида и Н. Гумилева;
- охарактеризовать и объяснить основные стратегии интерпертации Африки, встречающиеся у каждого из авторов, учитывая исторический контекст, в котором изучаемые тексты были созданы;
- выявить общие закономерности конструирования образа Африки в документальных и художественных текстах каждого из рассматриваемых писателей-путешественников;
- основываясь на результатах недавних имагологических исследований, исследовать историю формирования образа «чужого» в сознании обоих писателей, с конкретной целью изучения эволюции распространения негативных стереотипов в отношении африканцев;
- исследовать и раскрыть специфичность стереотипных явлений, встречающихся как у Жида, так и у Гумилева по отношению к жителям Северной и Черной Африки в зеркале научно-идеологического мировоззрения в Европе начала XX века.

Основные методы исследования: биографический, типологический, сравнительно-исторический, культурно-исторический и тезаурусный.

Теоретической и методологической базой данной работы стали

- 1) исследования французских, канадских, итальянских, немецких и русских ученых, посвященные изучению жанра литературного травелога и имагологии: Р. Ле Унена (R. Le Huenen), А. Паскуали (A. Pasquali), А. Демеленаэра (A. Demeulenaere), Д.-А. Пажо (D.-H. Pageaux), И. Клаварона (Y. Clavaron), В.М.Гуминского, В.А. Шачковой, Е.Р. Пономарева, А.Р. Ощепкова, и др.
- 2) работы, посвященные изучению жизни и творчества А. Жида: К. Мартена (C. Martin), Ф. Лестригана (F. Lestringant), П. Масона (P. Masson), и др.
- 3) труды, посвященные биографии и творчеству Н. Гумилева: Н.А. Оцуца, И.В. Одоевцевой, П.Н. Лукницкого, Ю.В. Зобнина, А.Б. Давидсона, и др.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит одновременно в изучении жанра литературного травелога и в оживлении внимания к имагологическим исследованиям во французском и русском литературоведении. В этом смысле результаты работы расширяют представления о процессе формирования образа Африки в европейских литературах первой половины XX века.

Научно-практическое значение диссертации определено возможностью использовать результаты данной работы в дальнейшем изучении литературного травелога, в исследованиях способов изображения «чужого» и «чужой» страны, в частности образа Африки во французской и русской литературах, а также при разработке курсов лекций, семинаров и спецкурсов по истории французской и русской литератур XX века для подготовки бакалавров и магистров. Кроме того, представленные материалы и их интерпретация дают возможность

переоценить ряд исторических и социальных событий, случившихся в Африке во время европейской колонизации.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Жанр литературного травелога развивался на протяжении веков, но окончательно утвердился во Франции и России только в XIX веке, когда к нему обратились крупные писатели Европы. Он достиг своей кульминации в начале XX века, когда травелог оказывается не только результатом путешествия, но его необходимым условием и целью.

2. Травелог является литературным жанром, включающим в себя разнородные жанровые формы и сочетающим в себе черты как художественной, так и документальной литературы.

3. В своих наблюдениях писатель-путешественник всегда опирается на традиции, законы и т.д. своей родины, чтобы сравнивать и оценивать обычаи посещаемой страны. Поэтому путевой рассказ представлен как «имагологический текст», в котором «Я» повествователь - представитель воспринимающей культуры – изображает и оценивает «чужого» - представителя воспринимаемой культуры.

4. Внимание А.Жида сфокусировано на человеке, социальных проблемах, месте человека в сложном расовом мире. Также Жид нашел в путешествии способ познания не только «чужого», но и самого себя, возможность открыть для себя свободу мышления, в которой он как писатель с нетрадиционной сексуальной ориентацией так сильно нуждался в консервативном обществе Франции.

5. Африка привлекала Гумилева своей экзотикой и той опасностью, которую она представляла своим животным миром. Его африканские странствия больше отразились в его поэзии, чем в его прозаических текстах. Черная Африка Гумилева – девственна, чиста, и в ней могут существовать только идеальные сказочные герои и его любимые животные Экваториального леса. Не стоит путать этот первозданный «рай» экваториального леса с египетским «эдемом», который символизирует в воображении Гумилева место, где он смог в первый раз обрести радость жизни.

6. Подход Жида и Гумилева к изображению Африки неодинаков, так как их отношение к ней изначально было разным. Жид чувствовал себя «хозяином» в Африке, поскольку посещаемые им страны являлись французскими владениями. Жид долгое время оставался носителем колониального сознания в отношении побежденного народа, а когда он стал говорить о злоупотреблениях и жестоком обращении колониальной администрации в Конго и Чаде с аборигенами, это было, прежде всего, для блага французской колониальной империи.

7. Напряжение, которое ощущается в травелогах Жида, меньше чувствуется в путевых текстах Гумилева. Полагаем, что это связано с отсутствием России среди колониальных держав в Африке, которое позволило поэту не только сблизиться с восточными африканцами, но и нейтрально оценить колониальное совместное проживание африканцев и европейцев. Дружеские отношения

между Россией и Эфиопией стали причиной для формирования положительного образа Абиссинии и идеализации ее императорского двора в африканских текстах Гумилева.

8. Жид и Гумилев имеют много общих черт как писатели и как путешественники: оба имеют открытый взгляд на межрасовые отношения, с уважением относятся к культурам и обычаям африканцев. Хотя они часто высказывались против колониальных преступлений, оба поддерживали идею «цивилизаторской миссии» в Африке. Однако их интерпретация понятия «цивилизировать» не была лишена романтического идеализирования.

9. Как для Жида, так и для Гумилева опыт африканских путешествий был важен для формирования их мировоззрения и художественных особенностей творчества.

10. Рассматриваемое изображение Африки в данной диссертации остается, прежде всего, Африкой Жида и Гумилева. Хотя их путевые труды способствовали формированию образа Черного континента в воображении соотечественников, они больше рассказывают нам об их авторах, об их мировоззрении в начале прошлого века, и, в частности, об их субъективном восприятии Африки, чем о самой Африке.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории зарубежных литератур СПбГУ в 2013–2015, и были представлены в виде устных докладов на XLIII Международной филологической конференции в СПбГУ (март 2014); на V Международной научной конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. Между модернизмом и постмодернизмом: смена литературных эпох» в КФУ (Казань, май 2014); в рамках второго международного коллоквиума «Deuxième Rencontre des Jeunes Chercheurs en Etudes Africaines (JCEA)» в университете Париж-1 Пантеон-Сорбонна (Франция, Париж, октябрь 2014); на аспирантском семинаре кафедры истории зарубежных литератур СПбГУ (март 2015); и на XLIV Международной филологической конференции в СПбГУ (март 2015). Основные положения изложены в 8 публикациях, три из которых – в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура исследования подчинена названным выше задачам исследования. Диссертация изложена на 234 страницах и состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 264 наименования на русском, французском и английском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во введении последовательно обосновывается актуальность темы диссертации, степень ее изученности, объясняется выбор авторов, определяются материал, предмет, цели и задачи, основные методы, теоретическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, и наконец, формулируются основные положения, выносимые на защиту, и определяется структура работы.

Первая глава диссертации – «**Литературный травелог**» – состоит из семи параграфов: «**Краткая история становления жанра травелога**», «**Специфика и место травелога в иерархии литературных жанров**», «**Характерные черты травелога**», «**Имагология, или изучение травелогических изображений**», «**Травелог и документальная литература (география, этнология и история)**», «**Травелог и художественная литература**», «**Травелог и автобиография и автовымысел**». Глава посвящена анализу процесса становления жанра литературного травелога, его специфики и места в иерархии литературных жанров, в ней определяются характерные черты травелога. В результате делается вывод о том, что травелог окончательно утвердился как литературный жанр в XIX веке, он состоит из разнородных жанровых форм. В зависимости от стиля произведения и профессии автора-путешественника, его образования, травелог колеблется между художественным и документальным жанрами. Таким образом, основные черты литературного травелога следующие:

1. Путевой текст является результатом наблюдений, сделанных автором-путешественником в хронологическом порядке на определенном маршруте.
2. В тексте травелога можно выделить два наиболее часто употребляемых хронотопа: дорога и остановка.
3. Путевой текст колеблется между повествованием и описанием.
4. Важная черта травелога – описание народов, их достоинств и недостатков в глазах путешественника. Поэтому изображение «других» не является нейтральным. Оно всегда строится как сравнение «своей» и «чужой» культуры, причем носитель «своей» культуры, как правило, мыслится автором как носитель нормы.
5. Часто писатели-путешественники заимствуют друг у друга маршруты, предпринимают те или иные действия, высказывают те или иные мнения и предположения, основываясь на мнениях и действиях своих предшественников. Поэтому при изучении травелога важно сопоставить произведения авторов различных эпох или стран, побывавших в одном уголке мира.
6. Главный герой путевого рассказа – автор-путешественник, имеющий субъективный взгляд на увиденное, несмотря на то, что некоторые авторы стараются убедить своих читателей в объективности их рассуждений. Любое событие, увиденное или пережитое путешественником, может дать ему повод для размышления и высказывания собственных мнений.
7. Писатель-путешественник преобразует реальную картину, включает в текст элементы своей личной жизни и свое видение «чужого». Это ведет к появлению вымысла и определяет художественную сторону травелога.
8. Соотношение документального и художественного является чрезвычайно важным аспектом травелога, давая возможность для изложения реальных путешествий в фикциональной форме романа, новеллы, стихотворения.

В современных исследованиях травелога изучение образа «своего» и «чужого» привело к появлению целой новой отрасли в компаративистике –

имагологии. Поэтому в параграфе **«Имагология, или изучение травелогических изображений»** рассматриваются различные компаративистские подходы к этому вопросу. Изучив труды французских ученых П. Брюнеля, К. Пишуа, А.-М. Руссо, Ц. Тодорова, мы пришли к выводу, что имагологический текст – то есть путевой рассказ – состоит из «Я» повествователя – представителя воспринимающей культуры, и «чужого» – представителя воспринимаемой культуры. Другими словами, любое изображение возникает из осознания «я» по сравнению с «другим», «тут» по сравнению с «там» и отражает социальное, культурное, идеологическое и воображаемое пространство.

Отметим, что вопрос стереотипов занимает центральное место в имагологических исследованиях. Поэтому мы уделили внимание изучению истории применения и интерпретации терминов «варвар» и «дикарь» в европейских повествованиях о путешествиях от античности до XX века. Что касается Африки, то передаваемые в путевых рассказах стереотипы относятся к черному цвету кожи ее населения, канибализму, дикости, неспособности к логическому мышлению или интеллектуальному труду. Так, немецкий исследователь А. Демеленаэр полагает, что африканец описывается не в зависимости от того, какой он есть, но в зависимости от того, каким он не является и чего он не имеет: у него нет законов, нет письменности, нет литературы, нет одежды, и он обречен жить диким и голым в природе. В ходе исследований, мы смогли установить, что изображение «чужого» (культура, которую воспринимают) может также много сказать о культуре того, кто воспринимает, ибо пытаться объяснить «чужое» значит объяснить самого себя.

В последних параграфах первой главы мы анализируем взаимосвязи между травелогом и документальной литературой (география, этнология и история), травелогом и художественной литературой, а также между травелогом и автобиографией и автовымыслом. Становится ясно, что травелог тесно связан с научным знанием поскольку его неотъемлемыми составляющими являются географические, ботанико-зоологические, социальные, этнографические, политические, исторические сведения. Также существуют тесные связи между травелогом и художественной литературой, из которой он заимствует повествовательные стратегии, фабулу, художественность стиля, субъективный взгляд рассказчика. Однако травелог обладает открытой структурой и определенной спецификой: в нем реальность берет верх над вымыслом. Таким образом, травелог следует прежде всего принципам реалистического описания: то, что сказано, должно быть верным тому, что было увидено, автор должен представить свои наблюдения с наибольшей точностью. Именно достоверность травелога делает его своего рода лабораторией для художественного творчества. И поскольку травелог часто представляет собой интимный дневник или письма, где повествование ведется от первого лица – путешественника, – и где субъективность и личность автора играют большую роль, то в нем содержатся автобиографические элементы (по Ф.Лежену): ретроспективный рассказ в прозе, который кто-то

ведет о своем собственном существовании, когда он делает основной акцент на своей личной жизни, особенно на истории своей личности.

Таким образом, под травелогом мы понимаем повествование о путешествии (реальном или воображаемом), совершенном рассказчиком, выражающим свой субъективный взгляд при описании таких аспектов пространства, как рельеф, флора, фауна, быт и нравы жителей, религия, политическое устройство и т.п., при этом возможно преобладание одного или нескольких указанных параметров. Доминирование документальности (описание реалий) или фикциональности (художественный стиль, субъективизм, вымысел) определяет принадлежность травелога к документальной или к художественной литературе. В последней черты травелога могут быть использованы при отражении нового экзистенциального опыта, полученного в результате путешествия.

Вторая глава работы – «Африка в травелогах Андре Жида» – посвящена изучению произведений французского писателя, в которых нашел отражение его африканский опыт. Глава поделена на два раздела в соответствии с географией путешествий Жида: Северная и Черная Африка.

В первом разделе этой главы **«Северная Африка в травелогах и художественных произведениях А. Жида»**, состоящем из пяти параграфов, показано, что, под влиянием ориентализма, который долгое время воспевался во французской литературе, и благодаря процессу колонизации Жид многократно путешествует **«В Магриб за бесконечным возрождением»**. Впечатления от его первых поездок (1896, 1899, 1900, 1903 и 1904 гг.) находят отражение в книге «Аминта» (1906), где молодой путешественник рассказывает о своей личной жизни в Магрибе, о стремлении к счастью и самосовершенствованию (**««Аминта» – антология впечатлений Жида от путешествия в Магриб»**). Автор показывает, что он любит жизнь и хочет жить. Под влиянием Ницше, он становится нетерпим к недостаткам или заболеваниям, как физическим, так и психическим: все, что умирает, пугает его. Если Туггурт символизирует для Жида пустыню и доводящий до экстаза танец местных танцовщиц, то Бискра становится в его глазах воплощением рая и второго дома – места, где он всегда мог предаться воспоминаниям о прекрасных мгновениях своей молодости. Часто приезжая в Бискру, чтобы погрузиться в воспоминания, он говорил, что возвращается в сердце своей молодости, так как именно здесь он спасся от страха смерти.

В своих путевых заметках о Магрибе Жид уделял мало внимания описанию социальных проблем, взаимоотношениям французских администраторов и поселенцев с колонизированными народами Туниса, Алжира и Марокко. Он больше интересовался ценностями искусства и проблемами нравственности. Для того, чтобы прозреть, ему надо было совершить путешествие во Французскую экваториальную Африку (ФЭА), где он впервые задумался о страданиях и позднее выступил против несправедливости колониального порабощения.

Магриб для автора «Фальшивомонетчиков» – это также **«Место изгнания и интересных встреч»**, ведь именно здесь он провел бóльшую часть периода оккупации Франции. В своем дневнике (1939–1949 гг.) Жид подробно описывает события, пережитые им в Тунисе, Алжире и Марокко во время Второй мировой войны. Здесь он знакомится с генералом де Голлем, тесно сотрудничает с писателями стран Магриба, особенно с Жаном Амрушом (1906–1962), с которым Жид вел переписку с 1928 г., находясь уже в Париже, и которому посвятил свое последнее произведение – «Тезей» (1946).

Французский писатель относится к Египту (**«Египет – уже знакомый, или Жид в поисках былых воспоминаний»**), где он побывал в 1939 и 1945 гг., не только как к колыбели цивилизаций и месту пересечения культур, религий и двух мировоззрений – западного и восточного, но как к стране, о которой все уже сказано, поскольку о Египте было достаточно написано после Наполеоновской кампании 1798 г. К тому же, в результате завоевания Алжира французами в 1830 г., Восток для большинства французских туристов оказался на юге страны, в нескольких часах езды от Марселя. Путешествие туда стало делом обыденным, поэтому Жид не очень сильно интересовался Египтом и мало о нем писал.

Однако Жид постоянно черпал вдохновение из своих путешествий в Северную Африку для написания таких художественных произведений как «Яства земные» (1897), «Имморалист» (1902) и мемуаров «Если зерно не умрет» (1926), что анализируется в последнем параграфе раздела **«Мои путешествия в Магриб – это сюжеты для моих романов»**. В этих книгах автор-путешественник создает персонажей по своему образу (как, например, Мишель в «Имморалисте»), которые действуют по схеме его воспоминаний и маршрутов в Магрибе. Как бы желая снова пережить прошлый опыт, Жид прибегает к вымыслу, который также реализуется в диалогах, анекдотах, украшающих рассказ, ярко выраженном лирическом начале. Таким образом, он не только «автосоздается», но и воспринимает свою жизнь как роман, внутри которого рождается другой роман.

Во втором разделе второй главы, посвященном **«Образу Черной Африки в путевых заметках Жида»**, анализируются «Путешествие в Конго» (1927) и «Возвращение с озера Чад» (1928). В первом параграфе этого раздела показано, как Жид борется **«Один против всех (во имя справедливости для угнетенных народов)»**. В результате информации, полученной во время его путешествия по Конго, Жид приходит к выводу, что коренное население колонии живет в замалчиваемой властями, но очень выгодной для парижской экономики системе невольничества. Жид приводит много примеров эксплуатации туземцев. Он также проясняет, что в обмен на привилегии колониальное руководство закрывает глаза на незаконные поступки богатейших концессионных компаний, которые имеют тесные связи и поддержку среди политиков и в верхах государства. Жид убежден, что его молчание сделает его соучастником этих преступлений: «теперь я знаю — и я должен говорить».

Однако Черная Африка, с точки зрения Андре Жида, весьма противоречива и полна удивительных загадок, поскольку, несмотря на то, что писатель-путешественник без колебаний критиковал своих соотечественников из колониальной структуры, он сам, в какой-то степени, не хотел считать равными себе африканские народы, ради спасения которых он был готов пожертвовать всем, что имел. Поэтому в следующем подразделе рассматривается мировоззрение Жида, сложившееся **«Под влиянием “теории расового неравенства”, процветавшей в начале XX века»**. В его путевых записках о Французской Экваториальной Африке присутствует стереотипный дискурс, характерный для изображения африканца западными путешественниками на протяжении веков. Как правило, общими характеристиками чернокожего являются преданная покорность, ребяческая наивность, смеющееся лицо, глупость, лень, отсутствие склонности к труду и способности к логическому рассуждению. Для Жида, европейского гражданина начала XX века, прогресс сводится к двум вещам: производству и потреблению. Отсюда и желание западных путешественников, посещающих Африку, превратить все разнообразные и многочисленные общины туземцев в свое подобие, сделав их производителями и потребителями. С другой же стороны, эти стереотипные описания соответствовали ожиданиям французских читателей, у большинства из которых путешествие в Африку ассоциировалось с экзотикой, дикой фауной и флорой.

Тем не менее, можно сказать, что Жид не полностью поддался стереотипному давлению французского общества. Постепенно, насколько ему позволяют возможности, он старается пополнять свои знания о культурах и обычаях коренных жителей Экваториальной Африки. Чем лучше он познает туземцев, тем добросердечнее становится его отношение к ним. Иногда его слова выглядят так, как будто он хочет искупить свою вину за высказанные ранее предрассудки. Жид смог уяснить для себя, что западная культура негативно воздействует на колонизированные народы, поскольку они заимствуют у нее только отрицательное.

Но если Жид борется за улучшение жизненных условий туземцев Африки, требуя реформ в системе управления, то делает он это с единственной целью – спасти огромную Французскую колониальную империю. Он был далек от того, чтобы оспаривать идеологические основы колониализма. Поэтому в последнем параграфе второй главы рассматриваются аргументы его **«Колониального дискурса, или Жид как защитник Французской колониальной империи»**. В статье «Бедствия нашей Экваториальной Африки» (1927) Жид ясно и четко выразил свою позицию относительно колониальной проблемы, утверждая, что если между нравственными и материальными интересами колонизаторов и колонизируемых не возникает гармонического единства, то колонизаторская работа должна быть признана неудовлетворительной. Этот дискурс является «колониальным», так как он нацелен на успех цивилизаторской миссии, которая представляет колонизацию как гуманитарную деятельность, благотворную для чернокожего населения,

которое постепенно должно быть доведено до уровня белых. В итоге Жид пытается легитимизировать и оправдать французское присутствие в Африке, поэтому, когда некоторые колонизированные аборигены посещают французскую школу и принимают европейские ценности, это является доказательством французского триумфа в Африке: страна, которая способна на такой успех, доказывает, что достойна своей миссии.

Можно сказать, что часто Африка выступает в травелогах Жида как место наслаждения и полной свободы, а иногда и как второй дом (Магриб – Тунис и Алжир). С другой стороны, французский писатель представлял себе этот континент как колыбель цивилизаций, место пересечения культур, религий и двух мировоззрений – западного и восточного (образ Египта).

На Жида африканские странствия оказали сильное и долговременное влияние. Он в них нашел тот взгляд, который ему всегда хотелось бы иметь на мир, и в дальнейшем он больше не изменит свою точку зрения. Но его произведения об Африке имели также существенное влияние и на политическую жизнь Франции. Начиная с Международной Колониальной выставки 1931 г. в Париже, многие французские политики, например, Леон Блюм (1872–1950) будут опираться на его путевые книги, чтобы бороться против принудительного труда во французских колониях.

Африканские записки А. Жида можно определить как документально-автобиографические травелоги, в которых встречаются все основные элементы повествования о путешествиях, перечисленные нами в первой главе. Путевые тексты являются результатом наблюдений, сделанных в хронологическом порядке на определенном маршруте. Главный герой его африканских травелогов – это он сам, автор-путешественник, который излагает свой субъективный взгляд на увиденное. Хотя Жид старается убедить своих читателей в объективности отображения действительности, но он пользуется любым важным событием, чтобы высказывать свое личное мнение. Повествование у Жида всегда ведется от его лица, он употребляет местоимения первого лица – «Я» и «Мы», ссылается на книги своих предшественников (Конрада, де Бразза, Шевалье, Шелле), показывая тем самым, что повторяет чей-то маршрут. Хотя в своих наблюдениях Жид часто опирается на французский образ жизни, осуждая увиденные народы Африки, прибегая к различным стереотипам, но он иногда обнаруживает и более широкий взгляд на вещи.

Специфика африканских травелогов Жида заключена в их противоречивом характере. Не зря сам Жид называл себя «человеком противоречий». Он нашел в путешествии не только способ познания «чужого» и самого себя, но и возможность для свободы мышления и выражения, в которой он так сильно нуждался, находясь в постоянных поисках новых форм и жанров. Открытие самого себя и собственной свободы, нашедшее отражение в автовымысле «Имморалист» и мемуарах «Если зерно не умрет», написанных по материалам его путевых впечатлений от Магриба, дало Жиду возможность поднять вопрос о гомосексуализме во французском обществе, заставив, вопреки

критикам и оскорблениям политиков и культурных деятелей Парижа, принять эту проблему во внимание.

Однако Жид был изначально так сосредоточен на своих личных переживаниях, что ничего нового не смог сказать о странах Магриба, кроме как поведать о том опыте, который открыл ему самого себя. Как только он смог избавиться от этого психологического груза, он стал более внимательно присматриваться к социальным аспектам африканского материка. Но как только он решил о них заговорить, то понял, что долго молчал о отрицательной стороне французской колониальной политики. Таким образом, «Путешествие в Конго» и «Возвращение с озера Чад» выглядят как искупление Жида за чрезмерно исповедальные путевые заметки о Магрибе.

С другой стороны, Жид верил в идеологию колониализма и продолжал считать, что у Франции может быть своя законная миссия, которая состояла в том, чтобы просветить африканских аборигенов. Но под словом «просвещение» или «цивилизация» он имел в виду западный или, точнее, французский образ жизни, французское мировоззрение и французскую культуру. Казалось, африканцу необходимо пройти тест «европейской цивилизации», чтобы в нем стали видеть полноценного человека. Но сам Жид со временем замечает, что в процессе этого превращения туземцев в европейцев, многие из них не только берут плохое у последних, но перестают представлять интерес для путешественников – европейцев, так как теряют самое ценное – свою инаковость, непохожесть.

Не стоит также игнорировать тот факт, что французские писатели-путешественники, побывавшие в Африке в период колонизации, всегда находились под сильным психологическим давлением, поскольку после ослабления Франции в Европе в начале XIX века, французское общество очень хотело верить в «утопию» величия своей страны. Поэтому все писатели-путешественники, которые пытались критиковать колониальную систему, подвергались острой реакции, так как это выглядело в глазах многих французских граждан как нападение на саму Францию. Именно по той же причине попытки Жида обратить внимание политиков и общественного мнения на несправедливые поступки лесных концессионеров в ФЭА были оценены многими критиками как угроза для французской экономики. В путевых текстах Жида ощущается огромное напряжение; можно видеть, как ему постоянно приходилось объясняться или оправдываться то перед своими читателями, то перед сторонниками колонизации.

Третья глава диссертации посвящена исследованию образа «АФРИКИ В ТРАВЕЛОГАХ И СТИХАХ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА». Она состоит из трех разделов, поделенных на параграфы.

В первом разделе «**Юный “Конквистадор” в сказочной и “романтической” Африке**» анализируются африканские мотивы в раннем творчестве поэта Серебряного века. Доказывается, что первые африканские картины Гумилева появляются в его втором сборнике стихов «Романтические цветы», в котором ярко выделяются стихи с анималистическими заглавиями –

«Гиена», «Невеста Льва», «Носорог», «Жираф», и «Озеро Чад». В этих стихах ощутимо влияние основных мэтров-парнасцев – Жозе Мария Эредиа, Леконта де Лиля и Теофиля Готье, и они рассказывают об ином африканском пейзаже, сильно отличающемся от обычных изображений Черного континента.

Во втором разделе **«Образ Египта в путевых и художественных произведениях Гумилева»** показано, что Гумилев совершил четыре поездки в Африку, проезжая каждый раз через страну фараонов с более или менее длинными остановками. Гумилев придавал малое значение прозе, поэтому его африканские странствия больше отразились в его поэзии, чем в его прозаических произведениях. Это, в первую очередь, относится к его пребыванию в Египте. Поскольку большинство из африканских стихов были написаны по впечатлениям от реальных поездок Гумилева в Африку, это дает нам основание относиться к ним как к оригинальной разновидности травелога, в соответствии с тем определением жанра, которое мы предложили в нашей первой главе.

В поэзии Гумилева мы находим важнейшие компоненты жанра литературного травелога: изображение событий реального путешествия и ярко выраженное присутствие авторского начала. Мы имеем дело не с обычным документальным травелогом (написанным в хронологическом режиме при передвижении автора с одного места на другое), а с необыкновенным путевым рассказом в стихах, в котором использованы приемы автовымысла. Многие строки свидетельствуют об описании путешествия, как это обычно делается в прозаическом путевом дневнике. Хотя форма, выбранная поэтом-путешественником для изображения своих впечатлений, является художественной, значимость сведений, содержащихся в тексте, и травелогический дискурс в построении рассказа, заставляют принять во внимание и документальный характер текста-стиха такого рода.

Результатами странствований Гумилева по Африке (в 1908, 1909–1910, 1910–1911 и 1913 гг.) стали сборники стихов - «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Костер» (1918), «Шатер» (1921), «Огненный столп» (1921), а также поэма «Мик» (1918).

В стихотворении «Эзбекие» (1917) из сборника «Костер» Гумилев представляет Египетский сад как земной эдем (параграф **«Египет – земной эдем?»**), где он смог окончательно избавиться от суицидных мыслей. Именно в сборнике «Шатер» поэт-путешественник смог столь насыщенно выразить свой африканский ориентализм. На первых же страницах этой книги находим пять длинных стихотворений, посвященных восточному миру, расположенному на африканском материке, – это «Красное море», «Египет», «Сахара», «Суэцкий канал», и «Судан». Для вождя акмеистов поэзия и религия были двумя сторонами одной и той же монеты, и можно сказать, что путешествие в Африку символизировало для Гумилева также нечто вроде паломничества в Святую землю. Можно предположить, что сад Эзбекие не случайно напоминал ему рай, поскольку Эдемский сад, согласно библейской традиции, расположен на востоке зримого мира.

В «Шатре» («Шатер» – африканский ориентализм по-гумилевски») Гумилев смог полностью воплотить результаты своих путевых наблюдений. Но некоторые африканские стихи, вошедшие в «Шатер» («Либерия», «Мадагаскар», «Замбези», «Готтентотская космогония», «Дагомея», «Нигер»), рассказывают о странах, где поэт-путешественник никогда не бывал, что дало основание некоторым исследователям (например, Е. Резвану) даже охарактеризовать сборник как воображаемое путешествие в Африку.

В последнем разделе третьей главы рассматриваются особенности «гумилевской Восточной Африки». Он состоит из трех параграфов: «Эфиопия (Абиссиния) – братская и «колдовская страна», «Восточная Африка – земля невольников и неразвитых племен», «Африка – место проявления храбрости и исполнения детских мечтаний».

Хотя Гумилев три раза путешествовал в этот регион, он написал только один подлинный путевой дневник – тот, который описывает его последнее путешествие в Абиссинию (1913 г.), вошедший в историю русской литературы как «Африканский дневник». И даже этот травелог, вероятно, Гумилев не создал бы, если бы не руководил миссией Музея антропологии и Этнографии Российской академии наук.

Результаты наблюдений, сделанных им во время всех его странствий по Восточной Африке, изложены в его путевом очерке «Африканская охота. Листы из дневника» (1916); в сборниках стихов «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Шатер» (1921), «Огненный столп» (1921); в поэме «Мик» (1918); а также в очерке «Умер ли Менелик» (1914) и в африканских дорожных письмах.

Много интересных подробностей о странах и жителях Африки содержится в поэтических и документальных произведениях Н. Гумилева. В целом, можно утверждать, что его экзотическая, особенно романтическая склонность, подчиняющаяся изменчивому настроению его «Музы Дальних Странствий», мешала ему обратить внимание на архитектурный облик африканских городов. Когда посещаемая местность описана не в деталях, ее картина выходит более поэтизированной. Столица Эфиопии, Аддис-Абеба, например, изображена как «город роз», а дороги иногда напоминают Гумилеву «рай на хороших русских лубках». Больше всего поэта-путешественника занимал животный мир, нашедший широкое отражение в его творчестве.

Если образ континента получился таинственным и сказочным в ранних стихах поэта-путешественника, то в более поздних сборниках стихов его картина, хотя и выступает объектом специального наблюдения и изучения, смешана с выдуманными изображениями, не имеющими ничего общего с настоящей Африкой.

Исходя из всего проанализированного материала, можно утверждать, что в Африке Николая Гумилева есть четыре типа субъекта повествования, отличающиеся друг от друга:

1. Писатель-путешественник, который повествует в своем дневнике и дорожных письмах о том, что с ним случается.

2. Воин-охотник с авантюристскими фантазиями, который, подобно героям его юношеских романов, вечно странствующим под «чужими небями» – средневековых рыцарей и принцев таинственных княжеств на Озере Чад, жаждет совершать опасные приключения.
3. Исследователь-этнолог, интересующийся изучением африканских легенд, фольклора, культуры.
4. Поэт-паломник, воспевающий африканские подвиги первых трех персонажей, и сочиняющий, под воздействием «Музы Дальних Странствий», рассказы и стихи, в которых образ Африки и женщины идеализирован.

С другой стороны, анализ путевых стихотворений Гумилева позволил нам убедиться в том, что и прозаические и поэтические тексты можно отнести к жанру травелога, особенно в том случае, когда в поэтическом тексте мы находим следующие элементы:

- стихотворение написано в результате действительных странствований;
- стихотворное изображение совпадает с подлинной картиной описанной страны;
- в стихотворении присутствуют элементы или признаки, указывающие на рассказ о путешествии;
- наличие подробных сведений о народах и повседневной жизни посещаемой страны;
- поэт-путешественник имеет свой взгляд на увиденное;
- путевое стихотворение одновременно колеблется между повествованием и описанием и между реальностью и воображением поэта.

Африканские тексты Н. Гумилева совершили долгий и сложный путь после его трагической смерти и внесли большой вклад в формирование образа Африки в воображении русского человека.

В заключении сформулированы основные выводы проведенного исследования. Хотя литературный травелог окончательно утвердился только в XIX веке, его эволюция достигла своей кульминации именно в начале XX века, когда колониальные экспансии позволили писателям, этнологам и журналистам Европы много путешествовать по земному шару, не имея при этом никакой определенной задачи, кроме как писать о себе и своих впечатлениях, ибо все уже было описано их предшественниками.

А. Жид и Н. Гумилев отправляются в свои африканские странствования в том же контексте и, безусловно, используют свои путешествия исключительно в творческих целях. Помимо травелогов, Жид отражает свои впечатления в художественных произведениях и мемуарах («Яства земные», «Имморалист», «Если зерно не умрет»), в то время как его коллега из России, Гумилев, сочиняет путевые стихи, обновив жанр травелога – ведь путешествие обыкновенно изображалось в прозаической форме.

Чувство одиночества, любознательность и склонность к экстремальным приключениям мотивировали поездки Гумилева в Африку. Поэт-акмеист как будто бы ездил туда на сафари, подобно Эрнесту Хемингуэю в «Зеленых

холмах Африки» (1935). Образ Египта одновременно ассоциируется у Гумилева с арабо-мусульманским миром и с земным «раем», населенным многообразными народностями, проживающими под британским флагом. А Восточная Африка, или так называемая Черная Африка, изображена им как место, находящееся еще в первобытном состоянии, где если и живут какие-то люди, то это в основном либо невольники, либо недоразвитые племена. И нередко в своих стихах он создает такой идеализированный образ Африки, сходный с идеализированным образом любимой женщины. Его Черная Африка невинна, в ней могут жить только его любимые дикие животные и безупречные сказочные герои.

Этого нельзя сказать об Африке Жида, где, как правило, нет места для животных или деревьев африканской природы. Прежде всего в своих наблюдениях французский писатель уделяет большое внимание своим взаимоотношениям с встречающимися африканцами, особенно тому, как его видят и какой взгляд он сам имеет на них. Тем не менее, как бы он ни старался положительно оценивать африканского «чужого», будь он из Северной Африки или из Черной, ему трудно видеть в нем свое подобие. Все африканцы, которых он называет друзьями, привлекали его, прежде всего, своей подчиненностью и преданностью. У Жида тоже есть свой африканский рай под названием Бискра – алжирский город, где он даже хотел построить дом, чтобы почаще туда возвращаться с друзьями и женой.

Однако, несмотря на столь значимые различия, как писатели-путешественники Жид и Гумилев имеют много общего. У обоих рано проявилась страсть к Африке. Гумилев полюбил далекие экзотические страны из чтения приключенческих романов и интереса к оккультизму. Жид – из чтения арабо-персидских сказок («Тысяча и одна ночь») и влечения к истории древних цивилизаций, а позже благодаря интересу к французской колониальной империи. Оба идеализировали концепцию «цивилизаторской миссии» и верили, что тогдашние колониальные державы обладали всеми возможностями для выполнения этой миссии. И если эта миссия пока не успешна, то это, прежде всего из-за плохой колониальной политики. Их романтические взгляды в полной мере проявились в их путешествиях. Видимо поэтому оба продолжали наполнять свои художественные произведения своими путевыми опытами, так как им было трудно расстаться со своими приятными воспоминаниями. Художественные травелоги Жида написаны в форме воспоминания, автобиографии и автовымысла; у Гумилева это лироэпические реминисценции в формах стихотворения и поэмы. Но главное, что объединяет травелоги обоих писателей, – это личностное начало, которое ярко проявляется и у того, и у другого.

Хотя Гумилев знал о первых путешествиях Жида в Северную Африку (1897–1900), он первый побывал у жителей Черной Африки и первый раскритиковал колониальную систему. Однако Жид это сделал громче и ярче, полагаясь на свою славу и свое влияние на литературной арене. То, что Жид называет каторжными работами в Африке или излишествами колониального

режима, часто представлено Гумилевым в стихах как чистое рабство. В Африке, второй дом Жида – это Бискра, для Гумилева – Каир, а иногда Хараре.

С другой стороны, изображение Африки, которое мы рассматривали в данной диссертации, остается, прежде всего, Африкой Жида и Африкой Гумилева. Оно, конечно, никак не отражает настоящую картину Африки для самых африканцев, хотя произведения каждого из изучаемых авторов способствовали формированию и консолидации образа Черного континента в воображении их соотечественников. Их путевые труды больше рассказывают нам о них, об их мировоззрении в начале прошлого века, и в частности об их субъективных взглядах на Африку, чем о самой Африке. По мнению Ц. Тодорова, суждения наций друг о друге в большей мере говорят о тех, кто их произносит, нежели о тех, в отношении которых они произносятся. На самом деле, еще в 1755 г. Ж.-Ж. Руссо уже критиковал европоцентристский взгляд на жителей далеких краев, полагая, что многочисленные путевые заметки говорят лишь о тех, кто их пишет, то есть о европейцах, а не о тех, о ком их пишут.

Однако имагологические исследования не должны быть нацелены на измерение уровня лживости или верности путевых изображений и описаний, но скорее на то, чтобы описать условия их возникновения. В настоящее время, изучение травелогов способствует развитию отношений между народами мира и диалога между культурами, потому что они позволяют получить важную информацию о многих народах, у которых не было письменности или которые просто потеряли фрагменты своей истории в кризисных обстоятельствах. Когда народы мира станут понимать источник их взаимных предрассудков, то каждый лучше познает себя и будет более снисходителен к другим. Тодоров же, интерпретируя слова Кондорсе, возложил свои надежды на торжество разума, которое должно помочь разрушить предрассудки. М. М. Бахтин, считал, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, ибо только когда один смысл соприкасается с другим, он раскрывает свои глубины, вступает в диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но взаимно обогащаются.

Сравнительное литературоведение требует сочувствия и взаимопонимания в отношении к «гуманитарным» братьям, интеллектуального либерализма, без которого никакие контакты между народами невозможны.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК России:

1. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. *Philology and culture*. – Казань, 2014 г. – № 3 (37). – С. 254-259. 0,6 п. л.

2. Майга А.А. Первый русский трaвeлог о Южной Африке (1808) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – № 04 (108). С. 134 – 149. – IDA [article ID]: 1081504010. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/04/pdf/10.pdf>. 1 п. л. (дата обращения: 14.08.2015).
3. Майга А.А. North Africa in the travelogue and work of Andre Gide // Древняя и Новая Романия. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 502-516. 1 п. л.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Maiga A.A. L’Afrique vue par les écrivains-voyageurs russes (du XIVe au début du XXe s.) // Études littéraires africaines. Retentissements des Guerres mondiales. (Textes réunis par Nathalie Carré, Anthony Mangeon et Sabrina Parent). N°40, 2015. P. 141-158. 1, 5 п. л.
5. Майга А.А. Память об Африке в поэзии Николая Гумилева // Память личность - память общества. Репрезентация индивидуального и коллективного опыта в литературе. Материалы XLIII Международной филологической конференции / Сост. Каминская Ю. В., Миролубова А. Ю. – СПб.: ИД «Петрополис», 2014. – С. 116-123. 0, 8 п. л.
6. Майга А.А. Литературный трaвeлог: специфика жанра / Literary Travelogue: Peculiarity of Genre // V Международной научной конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. Между модернизмом и постмодернизмом: смена литературных эпох», Казань, 5 – 9 мая 2014. КФУ, Институт филологии и межкультурной коммуникации. Поэтика публицистических жанров. [Электронный ресурс]. – URL: http://kpfu.ru/portal/docs/F1784919584/Programma.itog.._1_.pdf. (дата обращения: 17.02.2015). 0,13 п. л.
7. Maiga A.A. L’Afrique vue par les écrivains-voyageurs russes (XVeme - début du XXeme siècle) // Actes des Rencontres des Jeunes Chercheurs en Etudes Africaines, Paris, 3 & 4 octobre 2014 ; Panel 20 «L’Afrique face à la mondialisation». [Электронный ресурс]. – URL: <http://jcea2014.sciencesconf.org/browse/session?sessionid=9146>. (дата обращения: 19.04.2015). 0,6 п. л.
8. Майга А.А. L’Afrique du Nord dans les récits de voyage et l’oeuvre d’André Gide // Материалы XLIV Международной филологической конференции, Санкт-Петербург, 10 – 15 марта 2015 г. Тезисы докладов, СПбГУ, Филологический факультет СПбГУ, 2015. Французские чтения. – С. 772-773. 0,18 п. л.